

ЗВ'ЯЗОК ЧАСІВ: СТОРІНКИ ІСТОРІЇ

УДК 340.15:321

Я. Шевчук-Белая,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII ВЕКА ОБ ИНОСТРАННЫХ КОЛОНИСТАХ

В историко-правовой литературе частично рассматривался вопрос об использовании Россией международного опыта в формировании собственной переселенческой политики. В силу этого ссылки на многие общие для европейских государств методы «просвещенного абсолютизма» явно недостаточны. Была конкретная историческая практика, которая могла служить и служила примером для российского правительства.

Анализ положения дел в Европе того времени позволяет предположить что Манифесты 1762 и 1763 гг. Екатерины II были вызваны к жизни побуждающим примером прусского правительства в привлечении переселенцев из чужих стран на земли Восточной и Западной Пруссии, Силезии, Бранденбурга.

Последствия Тридцатилетней войны заставили наиболее дальновидных немецких государей уже в XVII в. серьезно заниматься переселенческой политикой и ее практической реализацией.

Наибольшую активность в этом проявил бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм (Великий курфюрст). Его переселенческая политика была положена в основу политики будущих прусских королей, а ее результативность привлекла во второй половине XVIII в. пристальное внимание политических деятелей российского государства. Сопоставляя исторические ситуации, формы и методы привлечения иностранцев Пруссией и Россией в XVIII в., можно утверждать, что в этом вопросе

присутствовало значительное прусское влияние на практику российского самодержавия.

Фридрих Вильгельм Прусский на начальном этапе преодоления экономического упадка и демографического напряжения сделал ставку на привлечение в свои земли лиц всех категорий, в том числе бездомных, изгнанников, бродячих солдат и даже преступников, желавших превратиться в честных людей. Он утверждал, что весь «этот разношерстный сброд согнетса у него подвигом закона» [1].

Прусская практика была ориентирована не только на привлечение специалистов, людей состоятельных, но и на различные прослойки народных низов.

Рассмотрение российского законодательства середины XVIII в. позволяет найти аналогию с прусским законодательством.

Манифест 1763 г. §3 призывал на жительство в России и тех, «которые для проезда своего не будут иметь довольно достатку и кои не только на иждивении вашем немедленно в Россию отправлены, но и путевыми деньгами удовлетворены будут». То есть и здесь речь шла о неимущих слоях. Их присутствие в общем конгломерате колонистов второй половины XVIII в. породит версию о волне люмпенизированных немецких элементов, хлынувших в этот период в Россию. Безусловно, такие переселенцы были, но люмпенский не был определяющим ни для переселенческой практи-

ки России, ни для соответствующего движения в Пруссии.

Вторым этапом переселенческой политики Великого курфюрста Фридриха Вильгельма было приглашение колонистов из Голландии, в частности голландских меннонитов. Прусского курфюрста привлекало в жителях Соединенных провинций умение высокопроизводительно трудиться и добиваться хозяйственных успехов в крайне неблагоприятных условиях. Современники отмечали разительные достижения голландцев в сельском хозяйстве в то время, как страна неблагоприятная, земля, плавающая на воде, и луга, затопленные три четверти года» [2].

Позднее эти же качества привлекли российское правительство, энергично стимулировавшее переселение в Россию прусских меннонитов — тех выходцев «из Голландии, о которых в свое время так пекся Фридрих Вильгельм.

Сверхурбанизация Голландии позволяла ей стать своеобразным резервуаром рабочей силы для бранденбургских курфюрстов. В практике приглашения голландцев заметную роль играла супруга курфюрста — голландка. Однако не голландский элемент был определяющим как по своей численности, так и по степени участия в социально-экономических процессах на Бранденбург-Прусских территориях.

Третий аспект переселенческой политики Великого курфюрста Фридриха Вильгельма был связан с еще одной характерной особенностью переселенческой практики: покровительство преследуемых и защитников свободы совести. Она имела свои исторические корни.

Аугсбургский мир 1555 г. и последовавшее за ним «великое переселение» народов по всей Германии создали так называемый «Бранденбургский феномен». Суть его состояла в том, что бранденбургские князья, правя среди лютеранского в большинстве своем населения, но сами исповедуя кальвинизм», принимали на жительство в свои земли людей любого вероисповедания. Подобная терпимость основывалась на практическом расчете: людей нуж-

но было принимать такими, какие они есть, коль скоро они — рабочие, купцы, ремесленники, землепашцы — вносили свой вклад в богатство государства.

Веротерпимость в переселенческой политике особенно ясно обнаружилась в известном Потсдамском указе 1684 г. Фридриха Вильгельма, он стал предметом пристального изучения российских властей при Екатерине II. История его принятия такова.

Со второй половины XVII в. немаловажное значение для Прусского государства с 1657 г. стали играть отношения с Францией. Это касалось прежде всего торгово-экономической сферы. Были заключены договоры, открывшие широкий доступ французским товарам на внутренний рынок Бранденбург-Пруссии. В 1663 г. в Кенигсберге возникла известная Францешиштрассе, заселенная французскими торговцами. Франция Людовика XIV усиливала натиск на гугенотов. Учитывая это многоопытный и дальновидный шестидесятичетырехлетний Фридрих Вильгельм 29 октября 1684 г. издает Потсдамский указ, приглашающий франшизских гугенотов к переселению в свои земли. Упредительный характер этого документа подтвердился уже через год, когда французские власти отменили Нантский эдикт 1598 г., гарантировавший гугенотам их гражданские права — свободу вероисповедания. Предусмотрительный немецкий правитель «переиграл» в этом вопросе такие протестантские государства, как Англия и Голландия, лишив их значительной части талантливых, умелых и состоятельных переселенцев-гугенотов.

Потсдамский указ важен был и с формально-юридической стороны [3]. Содержал перечень гарантий и обязательств правительства, детально регламентировал условия переселения и права переселенцев. Суть его сводилась к следующему. Указ призывал к переселению на немецкие земли всех желающих, оговаривая при этом социальный статус и экономический ценз переселенцев, их религиозную принадлежность. Лицам, пожелавшим переселиться, было обещано:

- пособие по переселению;
- подробные путевые указания (маршруты) и проводники;
- бесплатный провоз денег, движимости и товаров;
- право селиться бесплатно в пустых и заброшенных домах;
- участки земли для строительства и стройматериалы;
- освобождение от налогов и податей на десять лет;
- беспроцентный прием в цеха;
- наделение землей земледельцев;
- гарантированные денежные ссуды предпринимателям;
- получение должностей дворянами по их желанию;
- право образовывать общины;
- отправление религиозных церемоний на родном языке [4].

Все это требовало больших затрат со стороны государства.

Средства изыскивались путем добровольных пожертвований, принудительных налоговых сборов, были приняты даже отчисления из средств военного бюджета. Из этих источников был сформирован специальный фонд помощи переселенцам.

Положения Потсдамского указа, подкрепленные соответствующими экономическими мерами, обеспечили высокую эффективность переселенческой политики. Последствия проведенной с его помощью «французской инъекции» в социально-экономическую структуру Бранденбург-Пруссии хорошо известны и получили международный резонанс.

Не были секретом они и для российских государственных деятелей, стремившихся добиться столь же впечатляющих результатов применительно к России второй половины XVIII в. Анализ содержания екатерининского Манифеста 1763 г. позволяет провести прямые аналогии с положениями Потсдамского указа 1684 г.

Документ, подписанный российской императрицей, гарантировал следующие права и привилегии иностранным переселенцам:

- право селиться в любой части государства;

- обращаться для решения вопросов о переселении к российским резидентам за рубежом, в Канцелярию опекунства иностранцев, к губернаторам и городским властям — внутри страны;

- пособия для переселения и оплаты путевых расходов;

- свободную запись в купечество, мещанство, предоставление особого статуса «колонист»;

- беспрепятственный прием в цеха;

- свободу вероисповедания и отправление обрядов на родном языке;

- строительство своих церквей в колониях, городах и местечках;

- необходимое число пасторов и прочих церковных служителей;

- беспроцентный провоз в Россию своего имущества;

- освобождение от налогов и «тягот»: колонистам — на 30 лет, поселившимся в городах столичных или вблизи них и записавшимся в купечество — на 5 лет, жителям прочих городов — на 10 лет;

- материальную помощь в открытии фабрик и заводов;

- выделение казной беспроцентных ссуд для строительства домов, приобретения скота, инвентаря, семенного материала, с последующей отдачей долга через 10 лет;

- внутреннее самоуправление колоний;

- освобождение переселенцев от воинской повинности (по их желанию) на вечные времена;

- право покупать крепостных людей для работы на организуемых фабриках;

- распространение всех вышеперечисленных прав и льгот на католиков из иностранных переселенцев;

- беспрепятственный выезд назад на родину, но при условии возврата в казну $1/5$ всего нажитого в России при сроке проживания 5 лет и $1/2$ части при сроке проживания до 10 лет;

- общинное и школьное самоуправление.

Таким образом, прослеживается прямое совпадение целого ряда положений екатерининского XVIII в. и прусского XVII в. законодательств об иностранных переселенцах.

Однако в переселенческой практике России и Пруссии были и различия, вызванные прежде всего экономико-географическими факторами. Исторические традиции России в вопросах землепользования отразились в последующих указах императрицы о наделении землей иностранных переселенцев. Им были обещаны бесплатные наделы от 30 до 80 десятин пахотных земель с общинным владением и частным пользованием, предусматривавшие право передачи надела по наследству без права раздела земли. Огромные просторы Российской империи обусловили более широкие, по сравнению с возможностями Пруссии, масштабы выделения государственных земель иностранным переселенцам. Только на юге Екатерина II отвела для поселения иностранцев 55 тыс. десятин — в Екатеринославской, 263 тыс. десятин — в Херсонской. 214 тыс. десятин — в Таврической губерниях [5].

К идее заселения периферийных территорий выходцами из других государств правящие круги России пришли не сразу. Иммиграционная политика Екатерины II формировалась постепенно, ее основы закладывались еще с начала XVIII в.

Преобразования Петра I и сопро­вождающие их экономические и социокультурные явления выдвинули среди прочих и проблему людских ресурсов XVIII в. и другие европейские страны, столкнувшись с демографическими трудностями, пытались решать задачи роста численности своего населения путем вербовки инонационального. Нехватка людских ресурсов, демографические колебания вызывали серьезную тревогу как в академических кругах европейской общественности, так и в среде государственных деятелей. Формируется теория и практика т.н. популяционизма, целью которых было наметить оптимальные пути решения демографических проблем. Российская общественность проявляла к идеям популяционизма большой интерес.

Французские просветители XVIII в. горячо обсуждали проблемы народона­селения, искали связь между ростом

численности жителей и благосостояни­ем страны. Это стало центральной темой работы Мирабо «Amides Hommes».

В Англии популярный политический писатель Уилкайт в 1763 г. пропагандировал тезис о том, что «богатства любой страны не вырастут без роста числа ее жителей».

Шло формирование теории камерализма, утверждавшей, что «слава монарха пропорциональна числу его подданных». Ее разделяли ученые и правительственные круги Австрии и Пруссии. Так, австрийский исследователь фон Шоннефельд утверждал, что возрастание населения есть определяющий фактор государственной мудрости, а Фридрих II Великий в своем Политическом завещании 1768 г. достаточно пространно обосновал этот тезис. Он писал, что возрастание населения есть дело государственной важности (оборона страны), оно стимулирует коммерческую деятельность (потребление и оборот средств), финансовую сферу. Даже вопросы правопорядка им напрямую связывались с количеством и плотностью населения (способствуют созданию возможностей внутреннего полицейского контроля).

Отношение России к теории популяционизма до определенного времени было достаточно осторожно, несмотря на то, что проблема нехватки людских ресурсов была для нее традиционной. Русский историк С. М. Соловьев писал, что одним из вечных зол земли русской был физический недостаток людей, несоответствие между населением областей и громадностью государства [6].

В XVIII в. внешнеполитические шаги российского государства (рост численности армии, военные кампании, территориальные приращения), а также политика, направленная на приумножение государственных доходов, настоятельно диктовали необходимость решения вопросов увеличения количества рабочей силы и поддержания высокого уровня роста населения. Эти задачи в значительной степени обусловили появление в 1702 г. Манифеста Петра I, адресованного иностранным гражданам, которые

хотели поступить на военную службу, а также торговцам и ремесленникам, что стимулировало привлечение в Россию иммигрантов со всей Европы.

В регламенте 1723 г. определялись права иностранного предпринимательства. Последующие указы второй четверти XVIII в., касающиеся поселения иностранцев в России, главным образом обращались к проблемам переселения служащих и предпринимателей. Примером может служить решение Сената 1759 г. в отношении оккупированной русскими войсками Восточной Пруссии (результат Семилетней войны). Туда со специальной миссией был послан сенатский секретарь Сукин для сбора информации о коммерческом потенциале Пруссии и вербовки предпринимателей и рабочих из Кенигсберга в Россию. Но результаты этих действий ощущались в основном в северных и западных регионах государства и, главным образом, в коммерческой, технической и военной областях.

Политика государства на юге определялась иными интересами, хотя сюда привлечение иностранных поселенцев началось в 50-е гг. XVIII в.

В 1758 г. саксонский генерал Вайсбах предлагал правительству России селить в степях Причерноморья дезертиров из Пруссии. Эта инициатива не нашла поддержки в правительственных кругах. С гораздо большим интересом были восприняты планы де ла Фонтена — французского протестанта, находившегося на службе в русской армии. Его предложения касались переселения на юг Украины французских гугенотов с целью создания там шелковой и шерстяной промышленности. Успех деятельности гугенотов на хозяйственном поприще в других странах питал российский интерес к планам де ла Фонтена. Особое внимание к ним проявила правительственная комиссия во главе с канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым.

Проект де ла Фонтена содержал в себе новый для царизма подход к существующей проблеме — приглашать из-за границы население с целью преимуще-

ственного основания сельских колоний для сугубо экономических целей.

Правительственная комиссия изучала зарубежный опыт расселения гугенотов в других странах. Были даны указания русским представителям в западных странах, в частности барону Корфу в Копенгагене, поощрять эмиграцию. Кроме того, были сделаны дополнения к Манифесту 1749 г., приглашавшему к переселению в Россию иностранцев, где уточнялись размеры финансовых гарантий и средства транспортировки. Однако Семилетняя война 1756–1763 гг. сделала план вербовки переселенцев во Франции и Центральной Европе невыполнимым.

Попытка еще одного француза на русской службе — де ла Ривье — в 1756 г. привлечь внимание правительства к желанию значительной части немцев переселиться в Россию была безуспешной. В ответе, данном ему спустя три года, было сказано, что правительство обещает новым поселенцам хороший прием, но без финансовой поддержки по причине ведения обременительной войны. Однако предложения де ла Ривье были изучены с «двойным прилежанием», о чем он был уведомлен. Решение не было принято вплоть до конца 1761 г., смерти Елизаветы.

Петр III получил в свое распоряжение проект Эйзена, касавшийся создания в Ливонии из числа переселенцев земледельческих общин, призванных продемонстрировать преимущества труда свободных крестьян.

Этот план был чудовищно трансформирован в сознании Петра III. Эйзен получил приказ заселить Ливонию немцами для создания в будущем резервов немецких полков в русской армии [7].

Оппозиция ливонских землевладельцев привела к полной дискредитации плана Эйзена. К своей идее он смог вернуться лишь с воцарением честолюбивой Екатерины II.

Таким образом, началу царствования Екатерины II предшествовала значительная работа [8] российских правительственных кругов в плане анализа

и отбора различных вариантов проектов поселения иностранцев в России.

Идеи роста народонаселения активно обсуждались в кругах российских интеллектуалов XVIII в. Историк В. Н. Татищев называл рост численности населения «первым среди источников национального благосостояния». М. В. Ломоносов в своей работе «О сохранении и увеличении русского народа» (1761 г.) попытался впервые в России изучить суть демографической проблемы. Среди множества средств, предлагавшихся М. В. Ломоносовым с целью ее решения (общесоциальные, медицинские), есть место и приглашению поселенцев. «В настоящее несчастное время войны в Европе, — писал ученый, — не только отдельные люди, но и целые разрушенные семьи живут в своем отечестве и ищут места, отдаленного от превратностей судьбы войны. Пограничные области нашей великой монархии могут быть безопасным убежищем для этих людей, и обеспечить им все необходимое для жизни...» [9].

М. В. Ломоносов рассматривал вопрос об иностранных поселенцах лишь в контексте проблемы беженцев и ситуации, возникшей в воюющей Европе.

Популяционистские взгляды в середине XVIII в. были достоянием внимания части российского общества и правительственных кругов. Росло число публикаций на эту тему, переводились и издавались работы иностранных авторов, касающиеся проблем демографии, появились первые российские статистические обозрения, труды по истории коммерции и агрономии, затрагивавшие вопросы народонаселения. Шло активное восприятие идей Запада.

Значительно активизировали обсуждение демографических проблем Семилетняя война и ее последствия. Ученые и писатели того времени в основном смотрели на обеспечение роста населения как на базисный фактор русской жизни. Подобная ситуация значительно облегчила восприятие общественным мнением активной переселенческой политики России второй половины XVIII в.

Таким образом, отмечая специфические черты российского законодательства об иностранных переселенцах, необходимо подчеркнуть общую его концептуальную преемственность с уже имевшейся международной практикой в этом вопросе. Решающим было влияние Пруссии. Обращение к опыту Пруссии было вызвано не идеологическими, а вполне прагматическими причинами [10].

Ключевые слова: международная переселенческая политика, иностранные колонисты, законодательство Российской империи, Пруссия.

Статья посвящена преемственности правовой практики иностранных государств (Пруссии) по привлечению на свою территорию переселенцев. Рассматриваются права и льготы, предоставляемые переселенцам, с оглядкой на социальный статус, экономический ценз и их религиозную принадлежность. Проводится аналогия екатерининского Манифеста 1763 г. положениям Потсдамского указа 1684 г. Рассматривается формирование теории и практики оптимальных путей решения демографических проблем.

Стаття присвячена наступності правової практики іноземних держав (Пруссії) по залученню на свою територію переселенців. Розглядаються права і пільги, надані переселенцям, з оглядом на соціальний статус, економічний ценз та їх релігійну належність. Проводиться аналогія екатерининського Манифесту 1763 р. з положеннями Потсдамського указу 1684 р. Розглядається формування теорії і практики оптимальних шляхів вирішення демографічних проблем.

The article is devoted to the continuity of the legal practice of foreign countries (Prussia) to attract migrants to its territory, considered the rights and privileges granted to settlers, with respect to social status, economic qualifications and their religious affiliation.

A analogy Catherine Manifesto 1763 Potsdam with the provisions of Decree 1684. The formation of the theory and practice of how best to tackle demographic problems.

Литература

1. Лависс Э. Очерки по истории Пруссии / Э. Лависс. — М., 1915. — С. 204.
 2. Argens I. B. Lettees juives / I. B. Argens. — 1738. — III. — P. 192.
 3. Бобылева С. И. Международный опыт в российском законодательстве об иностранных колонистах // Вопросы германской истории. — Днепропетровск, 1997. — С. 26–27.
 4. Лависс Э. Очерки по истории Пруссии / Э. Лависс. — М., 1915. — С. 13–14.
 5. Fleischhauer I. Die Deutschen im Zarenreich: Zwei Jahrhundere deutsch-

russisch Kulturgemeinschaft / I. Fleischhauer. — Stuttgart, 1986. — S. 112.
 6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения / С. М. Соловьев. — М., 1994. — Кн. XIV. — С. 93–94.
 7. Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia 1762–1804 / R. Bartlett. — Cambridge, 1979. — P. 23.
 8. Плева И. Р. Манифест Екатерины II от 22 июля 1763 г.: обещания и реальность // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. — М., 1995. — С. 26–27.
 9. Bartlett R. Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia 1762–1804 / R. Bartlett. — Cambridge, 1979. — P. 28.
 10. Очерки истории немцев и меннонитов юга Украины (конец XVIII — первая половина XIX в.) / под ред. С. И. Бобылевой. — Днепропетровск : Арт-Пресс, 1999. — С. 20–24.

УДК 346.7:356.32(477)(091)“18/19”

Е. Бойченко,

старший викладач кафедри військової підготовки
 Національного університету «Одеська юридична академія»

**ІСТОРИЧНО-ПРАВОВИЙ ДОСВІД
 ГОСПОДАРСЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ВІЙСЬКОВИХ
 ФОРМУВАНЬ У ХІХ–ХХ СТОЛІТТЯХ**

Залежність бойової спроможності війська від рівня його матеріально-технічного забезпечення та ефективного правового регулювання військово-господарської діяльності ґрунтується та в значній мірі пов'язана з існуючим генезисом даної проблематики.

Подальший розвиток господарсько-економічних відносин у військових формуваннях, їх взаємозв'язок з економічною, політичною, соціальною та іншими складовими оборонного потенціалу повинен враховувати наявне правове підґрунтя та сприяти підвищенню обороноздатності держави.

Історичний досвід діяльності, пов'язаної з формуванням укладу військового життя, розвитком правового регулювання його матеріально-технічного забезпечення, становить суттєвий інтерес для розуміння особливостей створення військових господарств, здійснення військово-господарської діяльності, управління цими процесами при використанні нових правових стандартів.

Комплексного правового дослідження поставленої проблеми немає. Цікавими в даному контексті є публікації радянських та російських вчених, серед яких необхідно відзначити праці,